

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

Николай Байтов родился в 1951 году. Поэт, прозаик, публицист. До 1989 года публиковался исключительно на Западе и в самиздате. С 1985 по 1988 гг. издавал самиздатский журнал "Эпсилон-салон". Автор книги

стихов "Равновесие разногласий" (М., 1990).

Николай Байтов - один из наиболее последовательных отечественных приверженцев того, что в последние годы принято называть постмодернизмом. И как истый постмодернист, блестяще работает в различных литературных жанрах. В чем читатели газеты уже должны были убедиться (см. N 5 "Цирка "Олимп").

ДОКТОР, СУХАГО?

- Доктор, сухаго?
- Агдому с вашего позволения сказать я бы пригубил.
- А к даме моей если вы будете продолжать сквозь зубы на ваше святейшество и попросил бы.
- Позвольте, однако.
- Ваня, а как там в ванне?
- Порядок: наполняется. Сейчас я проволочку подыщу соответственно.
- Доктор, а сказать вам, кто из нас мент?
- Кто?
- Сказать или не надо?
- Не надо.
- Сам знаешь?
- Он знает.
- Он знает, а мы-то нет. Пусть он нам скажет.
- Ваши намекающие инсинуации я в одно ухо впускаю, а через другую ноздрю выпускаю продолговатой соплей.
- Во понтыру лупит ментяра.
- Позвольте, однако.
- Ваня, ну как там в ванне?
- Порядок: наполнилась. Вот я и проволочку подыскал соответственно.
- Доктор, видите ли вы эту проволочку, свернутую в виде упругой петьльки?
- Ваши приспособления нехитрой механики я расцениваю недвусмысленно только так.
- Нет, а я продолжу: если вы будете позволять себе продолжать, я уже не посмотрю сквозь слезы, а попросил бы, - да, подчеркиваю, я попросил бы - держать ширинку застегнутой на все сто.
- Позвольте, однако.
- Вот и договорились. Придерживай, Ваня, а я повяжу ему галстук баттерфляй.
- К-хх... х-кк... х-рр-й... й...
- Признавайся, ментюшок, признавайся.
- Не хочет.
- Он хочет за Русь погибнуть.
- Вот и притопим. Последний парад наступает. Доктор, желаете за Русь погибнуть?
- Хх... Хр-хр...
- Константин Петрович, ослабьте.
- Хр...аню в моем сердце...
- Ваня, ты направляй его. Доктор, идите, а то Константин Петрович снова усилит давление.
- Ваши аляповатые инсценировки бульварной драматургии я без обиняков, если хотите знать, отправляю на табло.
- Нагните ваше хайло, товарищ товарищ прокурора, и погружайтесь: ваша карта бита. Вам нет надобности разоблачаться: вы уже разоблачены более фундаментально.
- Да, ментально он, конечно, фунда, что говорить!
- Ныряй, патриот совковый. Наверх вы товарищи все по местам!
- Константин Петрович, так держать! Вода холодная, Ваня, ай хоуп?
- Ай, вода холодная кронштадтская... Бушлатик черный, брюки клеш... Ай, пора, подруга, нам прощаться, да... На память фото не пришлешь.
Эти и подобные им реплики, а также звуки: хрипы, стоны, бульканья и шум воды, льющейся из водопроводного крана, - сопровождали первые пять минут исцарапанной черно-белой фильма, прыгавшей на узком экране под стрекотанье проектора. Про это стрекотанье я тогда же подумал, что оно несомненно тоже включено в фонограмму, потому что быть не может уже давно таких допотопных механизмов в кинотеатрах столицы. Несомненно. Что же касается визуального, как говорится, ряда, то он нисколько с фонограммой связан не был.

показывалось движение железнодорожного состава, длинного, груженного лесом. То он уходил вдаль по однопутке на фоне волнообразного степного ландшафта, то вновь беззвучно набегал на зрителя клокочущим паровозом, и тут же начинали мелькать распатанные вагоны, снятые с близкого расстояния. Я вынул из кармана часы и в бегущих отсветах от экрана рассматривал время. Еще пять минут я мог посидеть. Но поднялся. На моем ряду никого не было. Я прошел до прохода и по наклонному полу вниз, где на словах "на память фото не пришлешь" открыл дверь выхода. Да. Даже дождь, обдавший ледяными струями мой выдавший и не такие виды, принесенными порывом ветра, внезапно налетевшим из мрака, зонтик, едва я успел его раскрыть, не мог бы охладить моей решимости. Пора проучить этого выскочку, тирана, вундеркинда, этого сноба, презрительного и самовлюбленного, этого возомнившего себя неуязвимым диктатором вершин и неисповедимым корифеем ребер сопляка, между тем не знающего, не обонявшего в жизни ни разу жирноватой амбры вдохновения, равно как и не отплевавшего в окно ночью от его тошнотворного привкуса, - пора несомненно. Пришла минута произнести ему в лицо спокойно и вятно: "медиа-шток на 29, - это ты видел? на-ка выкуси!" ... Нет, не так. Пришла минута бросить небрежно, рассеянно разворачивая и перегибая вечернюю газету: "а медиа-шток на 29 разве я не могу? посмотри-ка по каталогу, а то я запаматовал"... Нет, еще не пришла. Подойди ко входу в метро, я укрылся от ливня под колоннами. У меня оставалось несколько минут на то, чтобы принять лекарство и осмотреться.

Из урны несло жирноватым дымком. Близ нее валялось несколько мокрых оберток и расплывшаяся, склизкая шкурка банана. В луже тускло блестел маленький кружок монеты. Нагнувшись, я быстро выпрямился вдруг от ужаса: "а вторая? неужели? есть или нет? и это я вот сейчас вот здесь прокинусь на таком пустяке?". Сделалось дурно, я качнулся и чуть было не упал, доставая портмоне. Мешал зонтик. Я бросил его, не закрывая. На правую ладонь высыпал всю мелочь и всматривался, испуганно вылавливая желтый блеск... Есть одна... Дьявол, всего одна, а если неправильное соединение? Вот аппарат, по которому звонит пожилой мужчина. Встану за ним и спрошу, может, у него еще есть, когда он кончит. А если он будет еще пять минут? или десять? Вешает. Что? Не сработало? - "Не работает?" - "Работает, все в порядке. Только не дал договорить: здесь по времени, черт бы их подрал, вот придумали хреномундию: на спичках экономим, на водке пропиваем (да по червонцу, заметьте, за бутылочку, а в ночное время так и по два!) и так у нас всегда и везде. И во всем, заметьте. У вас не будет лишней?" - "Сожалею, но всегда пара. И то одну в луже сейчас нашел". - "Повезло. Может, и мне поискать?" - Набираю. Гудки: пи, пи, пи, пи, пи, пи. Набираю. - "Э, а это ваш зонтик?" - Гудки: пи, пи, пи, пи, пи, пи...

"Мой". - "Что ж вы бросили?" - Набираю... - "Да... сейчас подниму... не успел закрыть"... - Гудки: пи, пи, пи, пи, пи, пи... - "Смотрите, еще ветром унесет". - Набираю: то же самое. - "Ну, погодка!" - Набираю. Набираю. Смотрю на часы. Смотрю на часы на площади: то же самое. Набираю: пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи, пи. Смотрю на часы на площади. Стрелка дернулась. Отхожу от аппарата. Поднимаю зонтик и закрываю его.

Из метро вышла девочка.
- Давай покурим. О, как я устала! Подержи мне зажигалку. А ты? Не будешь? Открой рот. Нет? Тогда посмотри вот сюда. Ну, как? Так ты идешь к Вольдемару? Как так? В чем дело? Как это - все меняется? Ехать? Прямо сейчас? Надолго? А потом? Как это - ты не знаешь? Ну, к часу, ну, к двум? А мне что там делать? Вот это так фантики! Ну, хочешь я тебе словлю мотор, у меня это быстрее получится. Только договорились, понял? Нет? В чем дело? Тогда я поеду с тобой. Как это незначит? А деньги на мотор у тебя есть? Туда и обратно? Дать? Ну и катись! Можно подумать, я лезу к тебе в постель! Мистер джентльмен! Поддай мне руку! Подержи сумку. Вот так. Резинка перекрутилась. Ну? Посмотри: шов. ровно? Все. Пока.

Я смотрел на нее пустым взглядом. Машинально оглянулся: цокала длинными каблучками сапогов, как она думала, оскорбительно, но я не мог этого сообразить. Около полудня на то, чтобы нанять таксомотор, и потом еще двадцать минут ехал. Стоит ли описывать? Подъезжая, принял вторую таблетку.
- Что случилось? Ты откуда?
- Я не мог раньше, - сказал я, - Сделай медиа-шток на двадцать девятой вершине.
- Постой, но мы же договаривались, что ты позвонишь до пол-одиннадцатого...
- У тебя был занят телефон.
- Когда?
- В пол-одиннадцатого.
- Вряд ли.
- Может быть, у тебя часы спешат?
- Может, и спешат, - сказал он беспечно, - но не больше, чем на минуту-другую.
- Что ты пускал?
- Реверс и перегруппировку дня. Сейчас статистика началась.
- Останови.
- Ну, допустим, - сказал он снисходительно и набрал команду. - Но что ты можешь сделать после реверса?
- Медиа-шток, - повторил я.
- На двадцать девятой? - он мимолетно задумался и сказал: - У тебя там нет ресурса. Он еще не понял. - Так человек, с комфортом летящий в самолете...
Нет, не так человек, с комфортом летящий, не догадывается по неизменному лицу стюардессы: не по лицу стюардессы он



Ю.Евлампьев. Увиденное (12 листов), лист 7. 1993. Черно-белая фотография. 18x24 см